

4. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею для разбора древних актов. Т. 3. – Вильно, 1870. – С. 5.
5. Сапега Д. Ревизия Кобринской экономии, составленная в 1563 г. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1876. – С. 4.
6. Клейн Э.М., Довгялло Д.И., Белоцерковец И.Е. Город Борисов. — Вильна. Изд-во Сев.зап.отд. РГО, 1910.
7. Национальный исторический архив, ф. 299, оп. 5, ед.хр. 374.

Поступило в редакцию 10.04.2002 г.

Ничик Н.Н.

(Симферополь, Украина)

АССОЦИАТИВНЫЕ СВЯЗИ ЛЕКСЕМ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА А.А.АХМАТОВОЙ

Ассоциативные связи слов – характерное явление для поэтической речи, расширяющее границы семантической номинации, увеличивающее смысловую плотность высказывания. По мнению И.Р.Гальперина, ассоциативные связи возникают «в силу свойственной нашему сознанию привычки связывать изложенное вербально с накопленным личным и общественным опытом» [1, с.45].

Слово или группа слов, осложненные ассоциативными связями, позволяют сформулировать оценку явления и выразить ее не в логическом силлогизме, а в живом динамическом образе, фокусирующем в себе наглядно-чувственное представление и служащее причиной рождения поэтического текста. По мнению Д.М.Поцепни, поэтическое слово в этом случае «выступает как результат художественного обобщения довольно развернутого контекста» [2, с.128].

1. Ассоциативные связи слов в поэтической речи А.А.Ахматовой охватывают широкий круг источников: события истории, явления культуры, произведения русской и зарубежной литературы. Среди литературных источников останавливает внимание обращение А.Ахматовой к поэтическому миру великого датского сказочника Г.Х.Андерсена. В цикле «Чегки» встречается аллюзия из сказки «Гадкий утенок» [3, с.171-179].

Поэтическая миниатюра А.Ахматовой «В ремешках пенал и книги были» [4, с.68] отмечена посвящением НГ – Н.С.Гумилеву:

В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый,
Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.
А на жизнь мою лучом нетленным
Грусть легла, и голос мой пезвонок.

1912 г., Царское Село

Обращение к произведениям Г.Х.Андерсена связано с тем, что А.Ахматова восстанавливает момент первой встречи с объектом лирического повествования, реально состоявшейся в 1903 г., в ее гимназические годы [5, с.20], овеянные

романтическим ореолом литературных впечатлений, в том числе от светлого и мудрого сказочного мира великого датчанина. Другой причиной возникновения аллюзии явилась та оценка личности и манеры поведения Н.С.Гумилева, в которой выразились первое, полудетское впечатление от встреч с ним, «общий приговор» окружающих и более поздние размышления о нем (1910 – 1912 г.г.). П.Н.Лукницкий записывает в 1925 г. воспоминания А.А.Ахматовой о Н.С.Гумилеве 1903 – 1912 г.г.: «Николай Степанович совершенно не выносил царскоселов. Отношение к нему было плохое, потому что он был очень своеобразным, очень отличался от них; а они были на такой стадии развития, что совершенно не понимали этого. До возвращения из Парижа – такая непризнанность, такое неблагожелательное отношение к Николаю Степановичу; конечно, это его мучило» [6, с.32]. Такова была реакция многих на своеобразие поведения Н.Гумилева и «дикое, дерзкое мужество его первых стихов», как считал Н.Н.Пунин [6, с. 33]. Именно здесь, в этих референтных связях поэтической новеллы, находим мотивировку доминантных образов «серый лебеденок» – «лебедь (надменный)», навеянных Г.Х.Андерсеном.

2. Композиционную основу поэтического произведения А.А.Ахматовой составляет поэтическая ретроспекция [7, с.88 – 89] – использованное в виде приема сопоставление художественного (и реального) прошлого и настоящего, имплицитно присутствующих в тексте как временные планы «тогда» и «теперь».

2.1. Каждый из временных планов представлен комплексами номинаций – лексем в прямых и переносно-образных значениях, представляющих лирических героев, время и место описываемого события. Внутри каждого лексического комплекса складывается своя, присущая ему оценочная значимость.

Прямые значения слов, называющих бытовые, конкретные предметы семантического поля «Школа», становятся художественными деталями повествования и одновременно признаком времени. «В ремешках пена и книги были. // Возвращалась я домой из школы, » – так видит себя во временной перспективе лирическая героиня; «малыш веселый» – таким видится адресат поэтического воспоминания. Прямые значения слов становятся иносказательным обозначением времени, а через него – иносказательным обозначением персонажей. Тем самым наблюдаемое двойное иносказание приближает читателя к обобщенному понятию «тогда», создает безмятежную картину прошлого. Определяя поэтический локус, место встречи лирических героев – липовую аллею, автор использует прием олицетворения: «Эти липы, верно, не забыли // Нашей встречи _ _ _». Подчеркнута реальность прошлого события – у встречи есть свидетели, что углубляет содержание поэтического «тогда»: Совмещение семантики места, времени и действующего лица (персонификация локуса) – проявление свойственного А.А.Ахматовой искусства поэтического лаконизма.

Смысловым центром картины прошлого является лирический адресат повествования, охарактеризованный ассоциативной метафорой «серый лебеденок». Семантико-стилистическая трансформация речевого образа – доминанты из сказки Андерсена: «гадкий утенок» – «серый лебеденок» прогнозирует появление коррелятивного речевого образа – «лебедь», отнесенного к другому временному плану («теперь»). Определение серый, сопровождающее ассоциативную метафору, двупланово: одно из значений имеет темноральный смысл – «молодой, обычно

одноленок (о лебедях)» и подчеркивает отнесенность речевого образа к временному плану «тогда»; другое, индивидуально-авторское, определяет персонаж – личность поэтического адресата того же временного плана – «неопытный, незрелый, наивный». Оно предваряет контраст речевого образа «серого лебеденка» последующему речевому образу лебедя. Использование этой лексемы в уменьшительно-ласкательной форме подчеркивает нежность, сочувствие и сострадание лирической героини, оценивающей главный персонаж повествования из настоящего момента – от «теперь». Душевная теплота и близость к тому, кто был «мальчиком веселым», подчеркнута определением мой, которое, кроме семантики притяжательности, получает контекстуальное значение «близкий, родной».

2.2. Смена временных планов – художественного прошедшего на художественное настоящее («тогда» – «теперь») выражена с помощью глаголов «ставши кем-то, изменился». Именно в этой глагольно-временной рамке введен второй доминантный речевой образ, также представляющий собой аллюзию со сказкой Г.Х.Андерсена – «(надменный) лебедь». Трансформация исходного сказочного образа: гадкий утенок / лебедь (Г.Х.Андерсен) – «серый лебеденок / лебедь (надменный)» (А.А.Ахматова) свидетельствует о смысловых и эмоционально-экспрессивных, оценочных отличиях внутри коррелирующих пар. Определение «надменный» свидетельствует об изменении семантико-стилистического потенциала сказочного образа лебедя по сравнению с речевым образом в поэтическом произведении А.А.Ахматовой. В поэтической истории Г.Х.Андерсена «гадкий утенок», претерпевший многие беды, обиды, притеснения, превращается в прекрасного лебедя, сохраняя достоинство, духовную высоту и смирение, которые не смогли поколебать восторженные похвалы и слава. В лирическом повествовании А.А.Ахматовой определение надменный – «ставящий себя выше других, пренебрегающий другими» выступает как главный дифференцирующий признак андерсеновского образа-источника и аллюзивного речевого образа. Семантико-стилистические отношения внутри производной коррелятивной пары «серый лебеденок (= «мальчик мой веселый»)» – «лебедь надменный» оцениваются глаголом изменился и отсутствием определения мой при субстантивном компоненте ассоциативно-метафорического характера. Вместе с тем автору важно подчеркнуть тождество референтов обеих номинаций, поэтому в тексте они поставлены рядом, а семантическое и эмоционально-экспрессивное расстояние этих пар – это расстояние между поэтическим прошлым («тогда») и поэтическим настоящим («теперь»), это расстояние между лирическим героем и лирической героиней. А.Ахматова использует прием обратной метаморфозы, ставя каждый из коррелирующих речевых образов в несвойственное ему временное измерение:

«тогда»	<i>Эти липы, верно, не забыли</i>
	Нашей встречи, мальчик мой веселый.
«теперь»	Только, ставши лебедем надменным,
	Изменился <i>серый лебеденок</i> .
	«теперь» «тогда»

Именно так, в этих противоположных контекстах, видна несовместимость новых качеств персонажа с тем, что прогнозировал исходный речевой образ из андерсеновской

сказки, а отсутствие местоимения «присвоения» мой становится семантическим показателем того отчуждения, которое испытывает лирическая героиня «теперь» по сравнению с «тогда». Здесь происходит расхождение смысловых линий лирического героя и лирической героини.

Семантическое различие коррелирующих доминантных речевых образов создает разную эмоционально-экспрессивную тональность временных планов. Поэтическое прошлое («тогда»), которое было единым для обоих лирических героев и где остался «мальчик веселый», «серый лебеденок», определено художественно-эстетическим эпитетом «луч нетленный» как знак неизменно светлых впечатлений. Поэтическое настоящее («теперь») распалось для лирических героев: лирический адресат сосредоточился на своей исключительности – «надменный лебедь», а удел лирической героини – «луч нетленный» памяти о прошлом и «грусть», останавливающая дыхание и пресекающая голос («голос мой незвонок»). Драматическое несовпадение лирического адресата «тогда» и «теперь» становится причиной различного настоящего – распада отношений лирических героев поэтического повествования.

Стихотворение, написанное в 1912 г., в поэтической форме подводило итог личным, интимным отношениям А.А.Ахматовой и Н.С.Гумилева. Вспоминая о путешествии по Западной Европе и в Париж, А.Ахматова, по свидетельству П.Н.Лукицкого, заметила об этом времени: «Должно быть, мы уже не так близки были друг другу... Я, вероятно, дальше от Николая Степановича была...» [б, с. 34].

Осмысление частного события личной жизни в поэтических координатах, осложненное ассоциативными образами сказочного мира Г.Х.Андерсена, обобщает индивидуальное событие до художественно-эстетического уровня. Ассоциативные связи слов, создающие поэтическую ретроспекцию, позволяют выразить глубину временной перспективы при малом пространстве текста, передают динамику душевных состояний лирических героев поэтической миниатюры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.
2. Поцелня Д.М. Образ мира в слове писателя. – СПб.: СПбУ, 1997.
3. Андерсен Г.Х. Сказки и истории. – М.: ГИХЛ, 1955.
4. Ахматова А.А. Сочинения. В 2-х т.т. Т. I. Стихотворения и поэмы. – М.: ХЛ, 1986.
5. Черных В. Летопись жизни и творчества А.Ахматовой. Ч. I. – М.: Эдиториал, УРСС, 1966.
6. Лукицкая В.К. Материалы к биографии Н.С.Гумилева // Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. – Тбилиси: Мерани, 1989.
7. Ничик Н.Н. Речевой образ Тавриды в контексте поэтической ретроспекции (на материале крымских стихотворений А.С.Пушкина) // Пушкин и Крым. Крымская науч. конфер. 24 – 29 сент. 1989 г. Тезисы докладов. Симферополь, 1989.

Поступило в редакцию 12.03.2002 г.